

В ДОЖДЛИВОЕ УТРО СРЕДИ КОНЮГ

В семействе конюг три сестры. Есть конюги большие – почти с голубя. Есть малые – под стать скворцу. А есть и просто крошки – с воробья. Увидеть их трудно. Большие конюги – осторожные, сумеречные птицы. Заметят человека – в море слетают или прячутся под камнями. Малые конюги – птицы сумеречные либо ночные. А крошку тяжело увидеть потому, что маленькая очень. Сядет где-нибудь среди темных камней – попробуй отыщи.

В середине скалистого островка на склоне перешейка в беспорядке нагромождены огромные валуны, обломки скал, россыпи камней. Словно сказочный великан упражнялся в своей богатырской силе и разбросал камни, как попало. Здесь, в щелях под скалистыми обломками и между камнями, живут большие конюги. Появляются они на поверхности рано утром или вечером, когда улетают в море кормиться или возвращаются домой. На этом маленьком командорском островке их немного. Хотя на некоторых островах Курильской гряды, в Охотском море и на севере Берингова моря конюги – одни из самых массовых птиц, образующих гнездовые колонии.

Орнитолог Людмила Фирсова, научная Зоологического института, изучавшая птиц на Командорах, показала мне на островке, где она жила Робинзоном, место обитания больших конюг. Здесь же среди камней стояла ее "засидка" – натянутая на прямоугольный деревянный каркас маленькая палатка.

«Завтра с утра воспользуешься "засидкой" и пофотографируешь птиц, – сказала она. – Увидишь, насколько лучше снимать из "засидки". Птицы не беспокоятся, ведут себя естественно».

В предвкушении встречи с конюгами с нетерпением ждал я наступления утра. Мне надо забраться в "засидку" как можно раньше, до появления птиц на поверхности.

В шесть часов утра я уже был на ногах. Вылезаю из палатки – вокруг темно, густой туман лежит до самой земли. Воздух буквально пропитан влагой. На одежду каплями оседает то ли туман, то ли мелкая морось. Сыро и зябко.

– Куда в такую погоду? – сочувствует Людмила. – Фотографировать всё равно нельзя. Подожди, может туман растянется.

Но я уже не могу остановиться.

– Если не удастся пофотографировать, так хоть понаблюдаю за птицами, – отвечаю я и направляюсь к месту, где живут конюги.

Людмила провожает меня. "В тумане на незнакомой местности ты можешь не найти "засидку", – говорит она. – Промахнешься – и загремишь в темноте со скалы".

Светлая полоска, обозначившаяся на востоке у горизонта, на несколько минут придала оптимизма. Но пока мы дошли до места назначения, снова надвинулись тёмные облака и густой туман. Моя надежда заснять конюг угасла.

Дав ряд советов, как вести себя в колонии птиц, Людмила ушла к палаткам. А я, не раздумывая, забрался в "засидку". И сразу же понял, почему она так называется: в ней можно было действительно только сидеть или стоять на коленях – настолько она была тесна.

С нетерпением стал я ждать птиц. Прошло совсем немного времени – и новая досада: по верху палатки частой дробью забарабанил дождь.

Я совсем расстроился: конюги в такую погоду могут и не появиться.

Около часа просидел я в палатке и уже начал дремать, когда услышал хлопанье крыльев и странные, словно простуженные, голоса.

Приоткрыв полог палатки, стал приглядываться. Не сразу я заметил птицу. Она стояла на камне и почти сливалась с ним. И только белые глаза-пуговицы выдавали конюгу. Она снова прокричала и перелетела на соседний камень.

Вскоре в тумане стали проявляться силуэты других конюг. Они словно материализовывались каким-то образом. Это было похоже на чудо. Только что никого не было, глядь – а на камне в тумане уже маячит конюга. А рядом, по соседству другая, третья.

Тёмные камни постепенно расцветали необычными живыми букетами. Нарядность птиц поражала. Точеные грациозные фигуры дымчато-тёмного цвета, оранжево-красный клюв, белые глаза-пуговицы, а на голове – хохол из перьев. Как у модниц. Казалось, такой наряд создан для птиц специально, чтобы радовать глаз в однообразной каменной местности.

Пока я предавался размышлениям, прямо перед смотровой щелью "засидки" приземлилась на вершину камня конюга. И сразу же возвестила о своем появлении: ыв! ыв! ыв! Голос, ещё не успевший после ночи набрать силы, был с хрипотцой. Но на него сразу же откликнулось несколько птиц. А затем захлопали крылья. На камень к конюге подседа подруга, отвесила несколько поклонов. И обе стали о чем-то ворковать.

На соседних камнях тоже собирались птицы. Они подлетали к певцам, демонстрируя им знаки внимания.

Прошло некоторое время, прежде чем стало понятно: птицы не просто перекликаются между собой. Происходит нечто гораздо более важное, чем обычная утренняя перекличка. «Не свадебные ли это церемонии?» – мелькнула мысль.

Хлещет дождь. Фотографировать в такую погоду нельзя. Но разве можно удержаться? Желание запечатлеть на фотопленку птиц так велико, что я решаюсь: будь что будет. Прильнув к окуляру фотоаппарата, раз за разом нажимаю кнопку...

Верх "засидки" протекает и мне за шею стекают струйки воды. Я прикрываю фотоаппарат курткой, сдвигаюсь, пытаюсь отыскать сухое место, но это мало помогает. От напряжения болят ноги. Но я не обращаю на это внимания.

Мной все больше овладевает охотничья страсть. Я никогда не стрелял в зверя или птицу. Я совершенно не испытываю желания стрелять в них. Но когда прицеливаешься через видоискатель фоторужья, просыпаются страсти сродни охотничьим. Ты волнуешься, огорчаешься, радуешься, восхищаешься. Словом, испытываешь всю гамму переживаний, наблюдая за происходящими событиями. Ты весь в напряжении. Все подчинено одному: поймать, не упустить тот долгожданный момент, когда надо нажать на спусковую кнопку фотоаппарата, чтобы запечатлеть драгоценное мгновение жизни наших соседей по планете.

Конечно, туман мешает фотосъемке. Правда, конюги садятся метрах в десяти от меня и телеобъектив приближает их так, что они заполняют почти весь кадр. Приходится дожидаться момента, когда туман немного растягивает.

Вдруг слышу над головой: фррр! На верх палатки прямо над смотровой щелью села какая-то птица. Часов десять утра, светло, верх палатки просвечивает и я узнаю... топорка. Активность конюжек уменьшается, и я боюсь пошевелиться. Топорок может резко взлететь и распугать недалеко сидящих конюг. И они могут не вернуться. Не раз бывало: стоит кому-либо побеспокоить птиц, нарушить естественный ход событий – все испорчено, дальнейшего продолжения действий не жди.

Что же придумать? Сидеть просто так тоже бессмысленно. Конюжки при виде топорка замаялись, поубавили свои страсти. Топорок сидит, поглядывает в их сторону, но ведёт себя спокойно. Легко касаюсь через полотно засидки перепончатой лапки топорка. Никакой реакции.

Начинаю легонько щекотать ему лапку, чтобы заставить передвинуться. Топорок переступает с ноги на ногу, поглядывает вниз, но не может понять, кто же касается его ноги. Ага, все-таки подействовало, решил поменять место. Сдвигается на угол засидки.

Правда, это тоже не спасает положения. Фотографировать все равно неудобно. Что ж, приходится потерпеть, пока сам не покинет свой дозор. К счастью, ждать приходится недолго. Решив, очевидно, что для него конюги не представляют интереса, топорок нырнул вниз и улетел по наклонной в сторону моря.

Голоса конюг раздаются уже не только впереди засидки, но и справа, слева, сзади палатки. Я слышу хлопанье крыльев, птицы перекликаются, подлетают и улетают. Что-то важное и интересное происходит вокруг, а я не могу видеть, не могу запечатлеть это. Смотровая щель только с одной стороны засидки. Это ограничивает обзор. Не выбраться ли из палатки?

Стоило лишь шевельнуться такой мысли, как целая лавина обрушилась в поддержку ее. Я вдруг почувствовал, как от однообразного положения тела ломит в плечах. Больно впиваются в колени острые камешки. А в узкую щель засидки стало невозможно снимать.

И я решаюсь на рискованный шаг — осторожно выкарабкиваюсь из палатки. Две конюги, стоявшие на камне напротив, забеспокоились, вспорхнули. Но отлетели недалеко, присоединившись к соседям справа.

Вытянув из-за камней шеи, птицы с любопытством и настороженностью разглядывали незнакомого гостя, пытаясь понять, нет ли угрозы их безопасности. Я замер возле небольшой скалы, и птицы успокоились.

Дождь вскоре перестал. Туман медленно поднимался, открывая поверхность моря. Стало тепло и тихо. Это благотворно подействовало на птиц. Они стали более активными.

Одна из конюг неожиданно приземлилась метрах в шести от меня. Я прижался к скале, боясь испугнуть птицу. Она огляделась и вскинула вверх голову. Звонкие звуки разорвали тишину: ыв! ыв! ыв!

Пульсирует, раздувается от напряжения шея. Небольшая пауза – и из распахнутого красного клюва вновь исторгаются полные силы и страсти волнующие звуки.

На голос откликнулось несколько птиц. Одна за другой они вспорхнули, но, увидев человека, приземлились в стороне. Вытянули шеи, но не решаются сделать последний бросок. Две силы борются в них – боязнь незнакомого существа и горячее стремление приблизиться к солисту. Красноречивее всего об этом говорили их позы: ноги оставались на месте, а головы и шеи тянулись вперед. Осторожность удерживала, а неодолимая сила зова влекла вперед. И зов победил.

Птицы подсели к солисту. Торжественные, возбужденные, они переступали с ноги на ногу, поворачивались и так, и эдак, словно старались продемонстрировать друг перед дружкой красоту нарядов, грацию, лучшие свои качества.

Да, это были свадебные торжества конюг! Учащенно забилося сердце. Какой счастливый случай – увидеть редкое явление. Лишь бы не пошел снова дождь, не испортил праздник.

Стайки конюг появились и на соседних камнях. По более яркой окраске клювов можно было угадать женихов. Время от времени они приседали и вскидывали вверх голову. Это был зов, приглашение к встрече. Невесты подлетали, демонстрируя свои достоинства.

Происходили своеобразные смотрины. Порой за одной конюгой ухаживали два-три жениха. Иногда по каким-то причинам птицы разлетались в разные стороны. Неудачливый претендент завлекал другую подругу. И когда избранница своим поведением давала понять, что не прочь составить семейный союз, жених следовал за ней, оказывая знаки внимания – клювом прикасался к ее оперению, перебирал перышки вокруг шеи. Очевидно, это были знаки высшей нежности и признания в любви. Так заключался семейный союз.

Птицы ещё долго то собирались в стайки, то рассредотачивались. Затем постепенно стали куда-то исчезать. Были – и вот словно растворились в воздухе. Лишь опустевшие камни стояли вокруг мокрые от недавнего дождя.

Я посмотрел на часы: стрелки показывали час дня.

Я вспомнил брошюру, где говорилось, что большие конюги – птицы сумеречные. Но вот только что передо мной разыгрывались сцены из их жизни – и в сумерках, рано утром, и днем, до самого обеда.

– Ну как? – спрашивает Людмила Фирсова, когда я возвращаюсь в лагерь, еле переставляя ноги от усталости и напряжения.

– Как в театре, – отвечаю я. – Сидишь в зале, а вокруг разворачиваются такие удивительные события. Невозможно оторваться!

– Мы слышали, как вдохновенно звучали голоса конюг, – улыбается Людмила. – Да, необычное утро. Она тоже довольна, что гостю удалось увидеть нечто необычное.

- Если бы не дождь, мешавший фотосъемке,- вздыхаю я.

Людмила посвящает меня в жизнь конюг. Принадлежат они к семейству чистиковых, объединяющих 20 видов морских птиц. Это кайры, топорки, ипатки, белобрюшки, старики и другие. Распространены большие конюги на скалистых побережьях и островах в северной части

Тихого океана. Квартирами в период гнездовой им служат щели среди россыпей камней. Откладывает конюга всего одно яйцо. Насиживают кладку и выкармливают птенца оба родителя. Добывая мелких ракообразных и другие виды беспозвоночных, они собирают пищу в так называемый горловой мешок, в котором приносят ее малышу. Через месяц птенец покидает тесное гнездо в камнях и отправляется с родителями в плавание по морским просторам.

... В памяти, как на фото пленке, время от времени проявляются события того дождливого утра. Возвращаются чувства, переживания. Я не помню сейчас, как больно впивались осколки камней в колени, но помню те волнующие минуты ожидания, напряжения, радости от увиденного и пережитого.

Я благодарен судьбе, что случай позволил хоть краешком глаза заглянуть в тайну жизни незнакомых птиц, увидеть свадебные игры, услышать торжественные и волнующие голоса любви.